

Р. Г. Навасардян

**ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА
В РАННИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА**
(К теоретическому обоснованию принципа коллективизма)

Еще в 1955 году в литературе указывалось на недостаточную изученность работ К. Маркса, отражающих процесс формирования и развития марксизма, а уже в 1962 г. библиография насчитывала более 25 новых исследований, посвященных различным аспектам этой актуальной темы¹. И хотя количество их продолжает расти, мы не можем сказать, что изучение этого чрезвычайно важного периода в истории марксизма исчерпано; наоборот, все очевиднее становится необходимость дальнейшего расширения исследований в целях разоблачения идеологов антикоммунизма, превративших за послевоенные годы ранние работы К. Маркса и Ф. Энгельса в объект своей фальсифицирующей критики².

Перенеся всю ценность учения К. Маркса и Ф. Энгельса на их ранние произведения, несущие на себе отпечаток влияния старой, классической философии, эта критика вычеркивает гуманистическое содержание и значение зрелого революционного марксизма. В результате молодой Маркс превращается в антропологиста, а его труды—в произведения абстрактно гуманистические. Такая тенденция наиболее характерна для критики со стороны экзистенциальной философии³. «Насколько мало справедливы к Марксу, когда просто отягощают его труды тем, что сегодня выступает на сцене как коммунистическая идеология», говорит экзистенциалист Книттермейер⁴.

Борьба против извращений, подобных экзистенциалистским,— назревшая задача дня. Не менее важно вычленение и оценка того позитивного содержания, которое заключено в ранних произведениях Маркса и Энгельса и которое складывалось в процессе формирования их диа-

¹ Г. Менде, Путь К. Маркса от революционного демократа к коммунисту. Пер. с нем. ИЛ, 1957, стр. 7. Сравн. Н. П. Лаппин, Борьба вокруг идейного наследия молодого Маркса. «Высшая школа», 1962, стр. 64—76.

² См. Л. Н. Пажитнов, У истоков революционного переворота в философии. Соцэкгиз, 1960; В. В. Кешелав, Миф о двух Марксах. Политиздат, 1963 (арм. пер. в издании Հայպետհրատ, 1964 г.).

³ См. Р. Гароди, Марксистский гуманизм. Пер. с фр. ИЛ, 1959, стр. 35 сл.; О. Корню, К. Маркс и Ф. Энгельс. Жизнь и деятельность, т. II. Пер. с нем. Госполитиздат, 1961, стр. 384—386; Р. Гароди, Ответ Жан-Поль Сартру. Пер. с фр. ИЛ, 1962.

⁴ Н. Knittermeyer, Die philosophie der Existenz von der Renaissance bis zur Gegenwart. Wien—Stuttgart, 1952, S. 157.

лектико-материалистических воззрений и органически входит в созданную ими теорию научного коммунизма. В этой связи рассмотрение проблемы взаимоотношений представляет значительный интерес⁵, тем более, что ее теоретические аспекты обретают все большую актуальность на фоне происходящих в нашем обществе грандиозных социальных перемен.

I. Путь к научной интерпретации проблемы. Хронологические даты из биографии основоположников марксизма примечательны тем, что часто блестяще способствуют пониманию тех путей, которые привели их к разработке принципов нового миропонимания.

1843 г. — начало перехода Маркса к диалектическому материализму, в 43-м же он покидает Германию, где даже «воздух делает человека крепостным»⁶, и переезжает в Париж. Здесь ему впервые удастся установить личные контакты с пролетарскими организациями⁷. Впечатления от сложившихся в этих коллективах взаимоотношений продиктовали Марксу слова, памятные коммунистам как афоризм: «Человеческое братство в их устах не фраза, а истина, и с их загрубелых лиц на нас глядит вся красота человечества»⁸.

Взаимоотношения в обществе как социологическая проблема привлекали внимание Маркса и раньше, особенно в ходе критики гегелевской философии права, однако контуры того научного понимания социальных явлений, которое в будущем должно было вырасти в стройное учение, стали проявляться все более отчетливо лишь по мере углубления пропасти, отделяющей Маркса от Гегеля, а затем и младогегельянцев. В процессе формирования революционных взглядов Маркс становится все ближе к научно-материалистическому пониманию природы личности, а также факторов, определяющих взаимоотношения в обществе.

С самого начала мысль Маркса не могла не обратиться к логическим предпосылкам решения проблемы. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс констатирует в области теории иллюзию самостоятельного существования рода (общества) от индивида, видя в этом отражение теоретическим мышлением отчуждения индивида от его ро-

⁵ Проблема взаимоотношений в работах Маркса и Энгельса (1844—1846 гг.) специально еще не изучалась, и в ряде исследований она затронута лишь косвенно, в том числе и в книге Т. И. Ойзерман, *Формирование философии марксизма*, М., 1962. Об этой книге акад. М. Митин уже говорил, что в ней «явно мало» сказано «о теоретическом обосновании коммунистического гуманизма» и «совершенно опущены вопросы этики». Журн. «Коммунист», 1963, № 9, стр. 120.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 378.

⁷ В условиях Германии по объективным причинам таких контактов не могло быть. Энгельс, например, писал Марксу: «Что делает пролетариат — мы не знаем, да и вряд ли можем знать». Ленин, знакомясь с перепиской Маркса и Энгельса этих лет, отмечал, в частности: «Коммунистическое собрание в Бремене. Все классы — только нет пролетариата!!!». См. В. И. Ленин, Конспект «Переписки К. Маркса и Ф. Энгельса». Госполитиздат, 1960, стр. 177.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений. Госполитиздат, 1956, стр. 589.

довой жизни. Становилось ясно, что формулировка проблемы как отношения личности к обществу, к коллективу, уже предполагает наличие взаимно не связанных, самодовлеющих и несопоставляемых абстрактных величин, а между тем, по убеждению Маркса, следовало избегать этого противопоставления индивида обществу, ибо всякое проявление жизни индивида, «даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного», является «проявлением и утверждением общественной жизни»⁹. Поэтому суть проблемы может быть раскрыта через исследование отношений индивидов друг к другу внутри общества, как проблемы взаимоотношения.

Социология и до Маркса пыталась сводить индивидуальное к социальному, объединить индивиды в группы, коллективы, но только Маркс, как указывал Ленин¹⁰, сумел из всего многообразия отношений в обществе выделить наиболее существенные из них — производственные отношения, сведя при этом действия отдельных лиц к действиям группы.

После 1844 г. у Маркса и Энгельса анализ взаимоотношения основывается уже на диалектико-материалистическом понимании взаимосвязи отдельного и общего. Здесь отдельное существует в такой связи, которая ведет его к общему, но это общее не стоит над ним, а скорее выступает как форма взаимозависимости единичных явлений, как сущность в массе явлений. Маркс и Энгельс раскрывают сущность личности через общество, через изучение тех общественных отношений, которые складываются из деятельности личностей. Находясь еще в преддверии научного коммунизма, Маркс связал проблему личности с конкретными общественными условиями и пришел к заключению, что «возвращение человеческих отношений к самому человеку» будет возможно лишь с уничтожением частной собственности как основы «гражданского общества». Тогда же, исследуя основные формы отчуждения и самоотчуждения в их «не священных образах»¹¹, Маркс намечает основные штрихи новой, отличающейся от Гегеля, Фейербаха и Кьеркегора концепции личности¹². В последующие два-три года эта концепция будет перенесена им на научную основу философии диалектического материализма, а пока, на начальной ступени своего развития, марксизм рассматривает критику философии Гегеля как первейшую задачу. Гегелевская «абсолютная идея» как первопричина всего сущего не оставляла места для реального человека, вместо него выступало «самосознание», оторванное от предметного мира. Признавая фактически конкуренцию и соперничество присущими буржуазному строю, Гегель отводил образованию гармонического «мы» роль момента. Между действиями самосознаний (личностей), говорил он, свобода одного предполагает подчинение другого. Самосоз-

⁹ Там же, стр. 590.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 391.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 346.

¹² Подробнее этот вопрос рассмотрен нами в статье «Ранние произведения К. Маркса и проблема личности». Рукопись, 1,5 а. л.

нания «подтверждают самих себя и друг друга в борьбе не на жизнь, а на смерть», и «каждое данное в такой же мере может идти на смерть другого, в какой оно рискнет своей жизнью, ибо другое для него не имеет большего значения, чем оно само»¹³. Поэтому гармония допустима лишь в сфере духовных и этических отношений¹⁴. Человек в системе Гегеля оставался всего только отчуждением духа, и лишь анализ Маркса раскрыл под «самосознанием» общественного человека, взятого со стороны его логических определений¹⁵, а под «движением самосознания» (к абсолютному знанию)—исторический процесс развития человека.

Уже в 1844 г. Маркс вкладывает в понятие отчуждения реальное содержание, положив в основу своего понимания отчуждения именно отчуждение труда, а это уже в принципе отвергало как гегелевское онтологическое толкование отчуждения (и выводимую из него концепцию человека как отчужденном бытии абсолютной идеи), так и антропологическое учение Фейербаха об отчуждении (как следствии всякой деятельности). Маркс указывал: человек, помимо антропологических признаков, обладает и социальными, отчуждение же—форма порабощения человека. Раз продукт труда отчужден от человека, он должен принадлежать другому и, следовательно, господство отчуждения должно быть вещной формой господства одного над другим: «Не боги, и не природа, а только сам человек может быть этой чуждой силой, властвующей над человеком»¹⁶. Извращение социальных связей, низведение норм морали до уровня отчужденных товаров становится в результате этого фактом, который можно ликвидировать лишь с положительным упразднением частной собственности. Обобщая свою мысль, Маркс подчеркивает, что «возвращение человека к своему человеческому, т. е. общественному бытию»¹⁷, поставит на место односторонне и уродливо развитых личностей новых, свободных от тисков отчуждения, от разлада между сущностью и существованием. Коллективными будут у них «деятельность и пользование», и вне этих отношений невозможно представить действительно всестороннего и универсального развития человека, обогащения его сущностных сил¹⁸.

¹³ Гегель, Соч., т. IV, стр. 99, 101—102.

¹⁴ Там же, стр. 188—189. Спустя десять лет после «Феноменологии духа», раскрывающей его концепцию отчуждения, этика подчинения и слияния индивида с коллективом стала у Гегеля «смешиваться (как пишет К. И. Гуллан, *Метод и система Гегеля*. Пер. с рум. ИЛ, 1962, т. I, стр. 413) с рабским приспособлением к прусскому абсолютистскому режиму». И все же, если у Гегеля, вопреки его идеалистическим мистификациям, «по многим пунктам содержались элементы действительной характеристики человеческих отношений», то в хронологический период, интересующий нас, младогегельянцы в лице Б. Бауэра и других оказывались способными дать «лишь бессодержательную характеристику этих отношений». См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 211.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 625—626.

¹⁶ Там же, стр. 568.

¹⁷ Там же, стр. 589.

¹⁸ Там же, стр. 596.

Так, еще в 1844 г., используя центральную категорию старой философии и по-новому интерпретируя ее, нередко в обрамлении терминов исторически изживших себя философских систем, основоположник подлинно революционного учения подошел к первоначальному обоснованию коммунизма¹⁹ и к утверждению его основного принципа—принципа коллективизма, который силой своих жизнеутверждающих начал вызывает сегодня злобную реакцию у идеологов антикоммунистического лагеря. Французский философ Биго²⁰ здесь типичен: он видит, например, заслугу Маркса в том, что тот «поставил экономическую проблему по отношению к человеку», но при этом допустил, оказывается, большую ошибку из-за того, что оказался не в «состоянии раскрыть подлинные измерения самого человека»!

II. Два типа взаимоотношений в обществе и необходимость ликвидации суррогатов коллективности. В 1844—1846 гг., характеризующихся дальнейшим развитием процесса формирования нового мировоззрения, центральной проблемой для Маркса и Энгельса вместо «отчуждения» становится новая экономическо-социологическая категория «разделение труда», чем и открывается реальная возможность в выявлении действительных тайн общественного развития. Одновременно с этим в перспективе предпрещается уже научное обоснование коммунизма и органически включающегося в коммунизм принципа коллективизма. Там, где кладется начало коммунистической теории, там мы находим первоначальное обоснование отношений коллективизма.

Тот факт, что в интересующий нас период марксистская философия выступала на европейской арене как «лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма»²¹, говорит нам, почему работы Маркса и Энгельса были пронизаны резкой критикой в адрес утопически-социалистических идей. Собственно, эта критика и предвзяла собой теоретическое обоснование коллективизма и коммунизма. В этих теориях коммунизм был всего лишь «последовательным выражением частной собственности», возвратом к неестественной простоте бедного и не имеющего потребностей человека, «который не только не возвышался над уровнем частной собственности, но даже и не дорос еще до нее»²². А между тем частной собственности, утверждал Маркс, должно быть противопоставлено более высокое материальное производство и удовлетворение потребностей, позволяющее богатству человеческих сущностных сил приобрести действительно человеческое значение.

Основной порок всех разновидностей утопизма Маркс усматривал в выведении коммунизма не из объективных законов общественного развития, а из моральных либо политических побуждений.

¹⁹ Подробнее об этом вопросе см. нашу статью «Коммунизм и гуманизм». Журн. «ՀԻՆԴՅԱՆ յԵՐԱՐՈՒՄ» (на арм. яз.), 1964, № 1, стр. 27.

²⁰ См. А. Дени, Г. Бесс и др., Марксисты отвечают своим католическим критикам. Пер. с фр. Соцэкгиз, 1959, стр. 58.

²¹ В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 544.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 586, 587.

К. Маркс и Ф. Энгельс не ограничивались критикой утопических систем. В «Немецкой идеологии» они показали, что стихийно развивающееся общество противопоставляет частные интересы интересам всего общества, дробит общественное целое на классы и группы, государство как выражение «общего интереса», оказывается способным создать лишь «форму иллюзорной общности», никак не устраняя противоречия между интересами групп и личностей даже внутри класса привилегированных²³. Буржуазный строй — это «война отделенных друг от друга уже не только своей индивидуальностью индивидуумов друг против друга»²⁴.

Выявляя основы взаимоотношений в обществе, Маркс и Энгельс впервые в социологической мысли обратились к фактору материального производства. В таком подходе даже личность в своих характерных чертах стала предобусловленной производством, тем, что она производит и как производит²⁵. Что же касается труда, то в нем, как выяснилось, надо было, оказывается, признать силу не только породившую человека как человека, но и создавшую его социальные узы, ибо трудовая, производственная деятельность с самого начала требовала относительно устойчивых сознательных отношений внутри определенных социальных групп. Каковы эти отношения, уже было выяснено в ходе анализа отчуждения, а затем и разделения труда; было вне сомнений, что в буржуазном обществе оба основных класса самоотчуждены. Но капитализм, как это показывали Маркс и Энгельс, поляризуя классы в отношении права на средства производства, углубляет противоречия, превращая общество в «суррогат коллективности», который может быть ниспровергнут только классом пролетариев, единственно способных разрешить общечеловеческие задачи²⁶, если не говорить уже об их историческом призвании создать новый строй, в котором антагонизм «коллектив—личность» с неизбежностью должен быть вытеснен коллективистскими отношениями и гармонией интересов.

Положение о том, что у Маркса класс пролетариев оказался в центре истории, современные антимарксисты хотят использовать для низведения его учения до некой разновидности религии, с признанием того различия, что христианство, в противоположность марксизму, ставит в центре всего, между началом и концом времени, не пролетария, а Христа²⁷. Создавая «религию», Маркс исходил, однако, из научного анализа объективной реальности, из конкретно-исторической картины капиталистических отношений, в которых форма социальных связей выступает по отношению к отдельной личности как средство для ее частных целей. Иначе Марксу не удалось бы обратить внимание на мотивы, определяющие поступки людей, столкновение их интересов, «и указать путь к научному изучению истории как единого, закономерного во всей

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 32, 322—323.

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 129.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19.

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 39—40.

²⁷ А. Дени и др., Марксисты отвечают своим католическим критикам, стр. 30.

громадной разносторонности и противоречивости процесса»²⁸; не удалось бы доказать, что господство общественного труда над человеком, общественных отношений вообще — над людьми есть исторически преходящее явление и порождено экономическим развитием общества, имеющем в качестве своей эмпирической основы частную собственность. Только «в пределах коммунистического общества» возможен коллектив, не раздираемый антагонистическими противоречиями²⁹, подчеркивали Маркс и Энгельс, не дедуцируя при этом необходимость коллективизма из общей «идеи прогресса», а устанавливая ее на основе научного анализа капиталистического строя.

Несомненной заслугой Маркса и Энгельса является то, что они показали, что в отношении личности и коллектива действуют общие и специфические закономерности; к первым относятся: определяющая роль общества и коллектива по отношению к личности, развитие общества и личности как единого диалектического процесса взаимодействий объективной исторической необходимости и сознательной деятельности людей, возрастание активности масс людей, а равно и роли отдельной личности; ко вторым, специфическим закономерностям относятся те, которые связаны с частной собственностью на средства производства и, соответственно, с классово-антагонистическим характером отношений в обществе и коллективе, а также закономерности, связанные с общественной собственностью на средства производства и, соответственно, с классово-дружественным характером отношений.

В широком историко-социологическом аспекте эти закономерности скрывают за собой период существования антагонистических формаций и формации коммунистической, причем в первом из этих периодов действие закономерностей проявляется стихийно, во втором — сознательно регулируется познавшим эти законы человеком.

У Маркса и Энгельса не даются дефиниции категориям, которыми они оперируют в анализе проблемы взаимоотношений. Но, выделяя тип отношений, характеризующих каждую данную формацию, они останавливают свой выбор именно на различных формах «коллективности» как наилучшем выражении всего многообразия социальных связей, рассматриваемых марксистским гуманизмом в аспекте проблемы личности. «Коллективность», как и понятие «коллектив», не синонимичны понятиям «социальность» или «общество», но по своему объему эти понятия достаточно широки, чтобы включать в свои рамки все модификации коллективных образований, институтов и ценностей, присущих обществу. Существенно важно, что в каждом определенном случае эти образования, институты и ценности рассматриваются не как сущности, привнесенные сознанием в мир общественных реальностей, а как реальные общественные явления, представляющие собой условие жизнедеятельности личностей. При этом «подлинная коллективность» как тип подлинно

²⁸ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 40—41.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 441.

человеческих взаимоотношений выводится Марксом и Энгельсом из объективно-исторической необходимости коренного преобразования общественных отношений из частнособственнических в социалистические и коммунистические. Лишь с образованием действительного коллектива и установлением коллективистских взаимоотношений, говорил Энгельс, может начать свое летосчисление новая историческая эпоха.

III. Отношения подлинной коллективности и свобода. Проведя конкретно-исторический анализ капиталистического общества и выявляя антагонистический характер взаимоотношений, Маркс и Энгельс ставили вопрос о свободе, имея в виду не иллюзорную «свободу духа», а массы угнетенных, личность трудящегося. В этом аспекте достижение свободы ставилось в зависимость от ликвидации угнетения и неравного присвоения средств и продуктов труда.

Для личности буржуа, в котором капитал себя персонифицирует, «только одно отношение имеет самодовлеющее значение — отношение эксплуатации»³⁰. Поскольку индивидуализм в теории и на практике защищает свободу буржуа, интересы собственника, то от революционной ломки этого строя надо ожидать переоценку ценностей в соответствии с природой и сущностью коммунистического строя, единственно способного раскрывать ценности в каждом отдельном индивиде и устанавливать взаимоотношения, обеспечивающие свободу каждого³¹. Условия такой трансформации, по идее Маркса и Энгельса, заключались в ликвидации факторов, порождающих и закрепляющих конфликтные отношения между трудом и капиталом, в уничтожении антагонистических противоречий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом. «Разделение труда,— указывали Маркс и Энгельс,—дает первый пример того, что пока люди находятся в стихийно сложившемся обществе, пока, следовательно, существует разрыв между частными и общими интересами, пока, следовательно, разделение совершается не добровольно, а стихийно, собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой»³².

В период, когда закладывались основы нового миропонимания, его основоположники дали глубокий анализ наиболее сложных, запутанных предшествующей философией сторон проблемы существования личности в ее отношении к коллективу и обществу. С точки зрения Маркса и Энгельса, свобода достигаема лишь вследствие объективного совпадения личных и общественных, коллективных интересов, отражающихся в сознании и формирующихся в нем в виде определенных целей. В диалектическом освещении личные и общественные интересы выступают как взаимосвязные, причем внутренняя природа первого раскрывается только через отношение ко второму. Маркс и Энгельс рассматривают интерес как выражение единства сторон объективного (т. е. экономических

³⁰ Там же, стр. 410.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 447.

³² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 31.

отношений, объективных потребностей коллектива и общества) и субъективного (т. е. осознание личностью либо же коллективом как социальным образованием, к которому относится личность, указанных потребностей), при котором этот общий интерес существует не только в представлении, «но прежде всего он существует в действительности в качестве взаимной зависимости индивидов, между которыми разделен труд»³³.

Там, где разделение труда и частной собственности породили классовые отношения и классовые интересы, там общий интерес как гармония во взаимоотношениях исключена, ибо «вместе с разделением труда дано и противоречие между интересом отдельного индивида или отдельной семьи и общим интересом всех индивидов, находящихся в общении друг с другом»³⁴. Только коллективная собственность способна вытеснить иллюзорные формы общего интереса, превращая совместную деятельность в воплощение реального общественного интереса, не нивелирующего значение и ценность отдельной личности, а способствующего ее росту, развитию и духовному обогащению. «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»³⁵, так подчеркивали Маркс и Энгельс значение подлинного коллектива для личности, отбросившей условия мнимой коллективности старого общества. Исторический опыт социалистического строительства в нашей стране показал, что общий интерес как реальный фактор меняет содержание личного интереса, объединяет всех членов общества в единый коллектив.

При социализме принцип материальной заинтересованности превращает труд в источник самоутверждения личности, более того, меняется, расширяется социальный аспект труда, выдвигая на передний план моральные стимулы к труду, обогащая новым содержанием трудовой коллективизм масс³⁶. Пытаясь извратить действительно гуманистическое содержание этого объективного процесса, западные идеологи вообще исключают возможность изменения характера труда. «Вера Маркса в то, что переход средств производства в общее пользование само собою в состоянии гуманизировать труд—заблуждение, так как человек остается равнодушным к механизированному труду, ибо обезчеловечивающее воздействие этого труда остается тем же самым, находится ли предприятие в частном или общем владении»³⁷.

³³ Там же, стр. 31, 236.

³⁴ Там же, стр. 33.

³⁵ Там же, стр. 75.

³⁶ В своих зрелых работах Маркс высказывал убеждение, что развитие моральных стимулов к труду должно будет содействовать перерастанию труда из обязанности в потребность. К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма. Госполитиздат, 1949, стр. 208. Сравн. развитие этого тезиса в «Программе КПСС» — «Материалы XXII съезда КПСС». Госполитиздат, 1961, стр. 410.

³⁷ H. W e n s t o c. Die Tragödie des Humanismus. Heidelberg, 1956. S. 298.

Особенно модна, однако, тенденция, признающая выводы Маркса об антигуманистической природе буржуазного строя. Эта тенденция сводится к тому, чтобы отнести Марксову критику капитализма к условиям прошлого столетия, от которого современный капитализм отличается резким поворотом якобы к гуманизации своих общественных отношений, развивающихся ныне под лозунгом «лучшая жизнь лучшего человека в лучшем обществе», как пишет один из современных идеологов «экономического гуманизма»³⁸.

Несомненно, однако, что если критерием исторического развития свободы личности является освобождение труда от отчуждающих его социальных сил, то личность не может быть при капитализме свободной, ибо не освобожден труд: вместо свободы там, как указывал еще Энгельс, существует лицемерно скрытое рабство, отличающееся от древнего рабства тем, что по крайней мере признает «принцип свободы»³⁹.

IV. Коллективизм и личность. В данной статье не могут рассматриваться все стороны проблемы взаимоотношений, разработанной Марксом и Энгельсом в трудах 1844—1846 гг. Главное у основоположников марксизма заключается в том, что они обосновали принципы коллективизма в качестве единственно гуманного принципа взаимоотношения на протяжении всего исторического развития общества.

Маркс и Энгельс были убеждены, что радикальное изменение общественного строя и установление органического единства вместо суррогатов единства прежде всего приведет к коренному изменению структуры и характера социальных связей, создавая условия для роста личности. Эти новые связи как коллективистские отношения, будучи воздвигнутыми на такой социально-экономической базе, которая расширяет объективные условия существования настолько, чтобы обеспечить участие каждого в творческом усвоении и развитии культуры, эти связи способствуют свободному и самобытному формированию личности. Интеллектуальное и духовное развитие, будучи обусловлено «развитием всех других индивидов, с которыми оно находится в прямом или косвенном общении», становится реальностью в такой степени, в какой коллективизм обретает материальные основы, ибо при постановке вопроса об условиях всестороннего развития личности речь идет о наличии таких связей, которые «закключаются отчасти в экономических, отчасти в необходимой солидарности развития всех и, наконец, в универсальном характере деятельности индивидов на основе имеющихся производительных сил»⁴⁰.

Этот тезис был выдвинут по той причине, что Маркс и Энгельс считали всестороннее общение единственным способом формирования всесторонне развитой личности, а такое общение могло быть только в условиях «подлинной коллективности». Важно, однако, что Маркс и Энгельс

³⁸ Sh. Clough, *Basis Values of Western civilization*. N. Y., 1960, p. 15.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 412.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 441.

не ограничились указанием роли связей и общения в судьбах личности, но выявили в качестве социального закона значение всесторонности и богатства «действительных отношений» личности как условия «действительного духовного богатства индивида»⁴¹. Действие этого закона в условиях социализма проявилось со всей очевидностью, и доказательством здесь могут служить не отдельные примеры, а вся история нашего общества. Дальнейшее развитие по пути развернутого строительства коммунизма приведет к более широкому развитию этого закона: когда «формы общения и производительные силы всесторонни», то «только всесторонне развивающиеся индивиды могут их присвоить, т. е. превратить в свою свободную жизнедеятельность»⁴².

Методологические позиции Маркса и Энгельса привели также к принципиально новому освещению проблемы природы, способностей, а также потребностей индивида.

Личность, рассматриваемая в конкретных социальных условиях, теряла в анализе Маркса и Энгельса свою «извечную природу». Исследование общественных процессов привело к выводу, что как человек по своей природе, так и его способности и потребности развиваются исторически на основе развития общественных отношений; его проявление, как творческой индивидуальности, связано с принадлежностью к определенному классу, и если данный класс исторически отживает себя, то тем самым сужается сфера социального творчества каждого члена, а индивидуальность их, в лучшем случае, может проявляться в масштабах изолированного микроколлектива⁴³. В целом же человек — не извечная данность. Даже такие, казалось бы «природные» черты, как конкуренция, стяжательство и т. п., при отношениях коллективизма сведутся «к соревнованию, основанному на человеческой природе», говорил Энгельс.

Однако для проявления человеком своего существа требуется упразднение частной собственности, ибо только это принесет «полную эмансипацию» человеческих чувств и качеств как в субъективном, так и в объективном смысле, меняя тем самым природу человека. Одностороннее развитие человека, для которого «обладание» вытесняло все остальные чувства, заменяется при подлинной коллективности противоположным явлением — человек начинает «присваивать себе свою всестороннюю сущность всесторонним образом, т. е. как целостный человек»⁴⁴. Другими словами, только коммунизм и коллективизм способны превратить грубую потребность в потребность действительно человеческую, гармонически сочетая ее с потребностями коллектива.

⁴¹ Там же, стр. 36. Отдельные наброски этой идеи содержались еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.». См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 596 и др.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 441. Вскоре после «Немецкой идеологии» Ф. Энгельс вернулся к этой проблеме, конкретизируя ее в аспекте теории коммунизма. См. Соч., т. 4, стр. 335.

⁴³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 77.

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, стр. 591.

Точно так же и способности. Их развитие определяется социальными условиями, в зависимости от присвоения совокупности производительных сил, которое «равносильно, — подчеркивали Маркс и Энгельс, — развитию определенной совокупности способностей у самих индивидов»⁴⁵. Здесь нет места абстрактному пониманию способностей или одаренности; свои потенции они реализуют в конкретной действительности, в коллективе, и как качества исторические, а значит и подверженные изменениям, они каждый раз формируются соответственно развитию и изменению опять-таки общественных отношений. Поэтому на уровне коммунизма общество будет знать, например, не живописцев, а людей, занимающихся «и живописью как одним из видов своей деятельности»⁴⁶.

Нужно ли говорить, что коренные изменения отношений в обществе, а вместе с ними — природы личности и структуры социальных связей, в которые она вступает, должны были привести к утверждению новых нравственных начал. Они должны были изменить моральные качества человека, превратить его в активного носителя принципов, возвышающихся над всей предшествующей историей как высокий принцип гуманистических стремлений, основывающихся на солидарности, взаимопомощи и братстве индивидов, преданных делу коммунистического строительства.

Социализм осуществил такой перелом, ознаменовав торжество коллективизма в морали миллионов. Но коллективизм как нравственный принцип также был разработан Марксом и Энгельсом еще в 1844—1846 гг., когда в ходе создания основ нового мировоззрения закладывался фундамент новой этической системы. Здесь особое значение приобрела критика анархо-индивидуалистической теории защиты эгоцентрической системы М. Штирнера в Германии, с одной стороны, и, с другой — разоблачение сентиментально-идеалистических, по сути дела мелкобуржуазных идей «истинных социалистов» о способной преобразовать мир всеобщей любви, которые пропагандировал Криге в Америке⁴⁷. В ходе этой критики проблема взаимоотношения получила свое научное освещение также в моральном аспекте, что привело к разработке еще и основ коллективизма как принципа коммунистической морали.

Принципы морали будущего строя Маркс и Энгельс не выводили из внеисторического источника, именуемого их современниками «богом», «абсолютной идеей» или «самосознанием». Наоборот, было научно дока-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 68.

⁴⁶ Там же, стр. 282.

⁴⁷ В исследованиях о формировании марксизма этика штирнерианства не подвергалась сколько-нибудь полному анализу. Исключения не составляют работы, специально посвященные вопросам этики в марксистско-ленинской философии. Особенно см. А. Ф. Шишкин, Из истории этических учений. Госполитиздат, 1959, стр. 245—340. О теории «истинных социалистов» до сих пор остается ценной работа В. А. Внукова «Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом политических взглядов немецкого, или «истинного социализма». «Научные труды по философии», в. II, ч. II. Белгосуниверситет, Минск, 1958, стр. 159 и сл.

зано ими, что мораль (как и другие формы общественного сознания) входит в идеологическую надстройку над экономическим базисом, что с изменением общественных отношений меняются также моральные нормы и принципы и, наконец, что принцип коллективизма более соответствует природе того общества, основанием которого будет общественная собственность на средства производства; коллективизм как социальный принцип предопределяет собой существование коллективистских отношений сотрудничества и взаимопомощи в сфере нравственности. Утверждение отношений товарищества и взаимопомощи между людьми может быть только при таком общественном строе, «в котором общность интересов возведена в основной принцип,— говорил Энгельс,— в котором общественные интересы уже не отличаются от интересов каждого отдельного лица»⁴⁸.

В начале октября 1844 г. в одном из писем Марксу Энгельс подчеркивал: «Пока наши принципы не будут развиты—в двух-трех книгах—и не будут выведены логически и исторически, из предшествующего мировоззрения как их необходимое продолжение, вся эта работа (пропаганда коммунизма.— Р. Н.) останется половинчатой, и большинство наших будет блуждать как в темноте». В канун революционных выступлений 1848 г. эта задача была выполнена, и марксизм как революционное учение вышел на широкую историческую арену, став знаменем тех, кто ведет титаническую борьбу за торжество мира и коммунизма. Коллективизм перерос из пролетарской солидарности первых борцов против капитализма в принцип всего социалистического общества. Он был обогащен дальнейшим развитием теории и практики творческого марксизма.

Жизнеспособность марксистской философии особенно рельефно выступает на фоне глубокого кризиса буржуазной идеологии. «Буржуазные учения и школы не выдержали исторической проверки. Они не смогли и не смогут дать научного ответа на вопросы, выдвигаемые жизнью»⁴⁹. Переживая глубокий кризис, буржуазная философия и социология прибегают к новым средствам защиты ценностей «западного мира». Откровенные индивидуалистическо-этические системы Бентама и Штирнера заменяются философской антропологией, претендующей на всестороннее решение проблемы личности, а концепции об изолированном индивидууме вытесняются теориями, в которых он (индивид) уже признается социальным явлением. Но в первом случае проводится более утонченная апология индивидуализма, во втором — социальная сторона затеняется психическими и духовными связями, что превращает коллектив в сумму хаотически связанных между собой индивидуумов. Первую концепцию защищает философия типа экзистенциализм, вторую — преимущественно эмпирическая социология, причем эмпирическая социология приписывает себе заслугу исследования групп и коллективов в социологической

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 2, стр. 538.

⁴⁹ «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 357.

науке⁵⁰, а экзистенциализм даже обвиняет марксизм в утрате (по сравнению с периодом до 1844 г.) интереса к «проблеме субъективного»⁵¹.

Впрочем еще Ленин указывал, — и это относится к критикам марксизма, — что теоретические искания обречены на бесплодность, если исследуется личность, взятая «вообще», вне конкретных социальных связей, ибо в этом случае «действительным чувствам и помыслам» личности предпочитают те качества и свойства, которые исследователь считает наиболее рациональными для данной личности⁵².

Заслуга Маркса и Энгельса в том, что в противоположность старым и самоновейшим буржуазным теориям в работах, созданных ими после 1844 г., они не только не предали забвению «проблему «субъективного», но с наибольшей полнотой поставили и разрешили именно эту проблему, доказав, что она может и должна решаться лишь в определенном социальном контексте, в диалектической взаимосвязи с коллективом, который является единственным условием существования и свободы индивидуума. Сегодня это наследие Маркса и Энгельса — лучшая теоретическая основа для исследования конкретных форм проявления коллективистских отношений, все более укрепляющихся по мере движения нашего общества к коммунизму.

Ռ. Դ. ՆԱԿԱՍԱՐԴՅԱՆ

ԱՆՀԱՏԻ ԵՎ ՀԱՍԱՐԱԿՈՒԹՅԱՆ ՓՈԽՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՊՐՈԲԼԵՄԸ Կ. ՄԱՐԿՍԻ ԵՎ Ֆ. ԷՆԳԵԼՍԻ ՎԱՂ ՇՐՋԱՆԻ ԱՇԽԱՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Անհատի և հասարակության փոխհարաբերությունների խնդիրը պարզաբանելու նպատակով գիտական կոմունիզմի հիմնադիրների վաղ շրջանի աշխատություններին դիմելը պայմանավորված է մի շարք հանգամանքներով: Մարքսի և էնգելսի դիալեկտիկա-մատերիալիստական հայացքների կազմավորման շրջանի աշխատություններում հայտնված մտքերը, ինչպես ցույց է տալիս հետազոտությունը, չափազանց արժեքավոր են գիտական կոմունիզմի ուսմունքն ամբողջացնելու համար: Այնինչ այդ աշխատությունների հատուկ ուսումնասիրությունն սկսվել է բառիս բուն իմաստով միայն վերջերս: Միաժամանակ, նրանցում արժարժված տեսական հարցերը ավելի ու ավելի մեծ գործնական նշանակություն են ձեռք բերում մեր հասարակության մեջ տեղի ունեցող խոշոր տեղաշարժերի կապակցությամբ: Վերջապես, հակակոմունիզմի ջատագովները վերջին տարիներին սկսել են լայնորեն տարածել այն վեր-

⁵⁰ См. Г. Беккер и А. Босков, Современная социологическая теория. Пер. с англ. ИЛ, 1961, стр. 25.

⁵¹ Р. Гароди, Ответ Жан-Поль Сартру, стр. 21.

⁵² В. И. Ленин, Соч., т. I, стр. 385.

սիւն, թե երիտասարդ Մարքսը, կրելով դասական փիլիսոփայության ազդեցությունը, քննարկել է անհատի պրոբլեմը և հարել է հումանիզմին, իսկ հասուն ռևոլյուցիոն մարքսիզմի մեջ բացակայում է թե՛ մեկը, թե՛ մյուսը: Հոգւածում, Կ. Մարքսի և Ֆ. էնգելսի վաղ շրջանի աշխատությունների կոնկրետ վերլուծության միջոցով, ցույց է տրվում, որ դրանցում պարունակվում են անհատի պրոբլեմի, կոլեկտիվիզմի դադափարի և ընդհանուր առմամբ հումանիզմի նոր ըմբռնումները, որոնք իրենց օրգանական շարունակությունն ու դիտական հիմնավորումն են գտնում ձևավորված մարքսիզմի մեջ: 1844 թվականից հետո գրած իրենց աշխատություններում Մարքսը և էնգելսը ոչ միայն մոռացության չտվեցին հումանիզմի հարցը և անհատի պրոբլեմը, այլև առավելապես խորությամբ ապացուցեցին, որ անհատի պրոբլեմը կարելի է և պետք է լուծել միայն որոշակի սոցիալական կոնտեքստի մեջ, դիալեկտիկորեն կապակցելով կոլեկտիվի հետ, որը անհատի գոյության և ազատության միակ պայմանն է:

DA-5924

